

Другие дворцовые помещения тоже существовали, но только Зал Сунъян и дворец Фэнъи действительно входили в сферу влияния Сяо Цяня и Фан Минцзюэ. Все слуги, независимо от того, кому они ранее принадлежали, теперь были их людьми. Хотя Ян Цзинь все еще пребывал в неведении, думая, что его люди остались нетронутыми, и спокойно охраняли свои владения.

Фан Минцзюэ понимал намерения Сяо Цяня: держать все под контролем, не предпринимать активных действий — это было лучшим выбором в данный момент.

Но когда он услышал, что этот мягкий и красивый кролик будет жить во дворце Фэнъи, и вспомнил предыдущую сцену, его сердце сжалось, словно в нем застрял мокрый комок ваты, вызывая сильный дискомфорт.

Итак, когда вечерние сумерки начали сгущаться, а закат еще не успел исчезнуть, Сяо Дэцзы вместе с несколькими доверенными слугами опустошил главный зал дворца Фэнъи, свернул постель Сяо Цяня и умчался обратно в Зал Сунъян.

Когда генерал Сяо вернулся с тренировочного поля, он столкнулся с огромным контрастом: от золотого великолепия до полной пустоты.

Линь Лин обежала все вокруг, но ни одного слугу не нашла, растерянно произнеся:

— Дворец... ограбили?

Генерал Сяо махнул рукой и повел свою многочисленную свиту в Зал Сунъян, чтобы «поймать воров».

Однако, войдя в «логово воров», он обнаружил, что «маленький вор» уже сидит в постели, одетый в нижнее белье, и согревает кровать.

Сяо Цянь подошел, только что коснувшись талии «вора», как его лицо было заслонено свернутой книгой. Холодное лицо Фан Минцзюэ освещалось мерцающим светом свечи.

— Горячая вода приготовлена.

Покрытый потом генерал Сяо был безжалостно, несправедливо и безрассудно вытолкнут с кровати и отправлен в соседнюю комнату.

Фан Минцзюэ, стоя на мягкой скамеечке, отложил книгу и через звук воды рассказывал Сяо Цяню о событиях на сегодняшнем утреннем совете. В конце его ресницы дрогнули, язык запутался, но он все же спросил:

— Этот план... был раскрыт Чаном?

Он всегда был таким, говорил загадками, предпочитая догадки прямым вопросам.

Тело Сяо Цяня, погруженное в горячую воду, слегка напряглось, его расслабленный живот сжался.

Полузакрытые глаза открылись, и он молча усмехнулся, но вслух беззаботно пошутил:

— В глазах Вашего Величества, я просто нахлебник?

За ширмой наступила тишина, тишина, которая заставляла сердце сжиматься.

Через некоторое время раздался голос:

— Я сплю.

Холодный, безвкусный, как вода, но словно высокая стена, внезапно возникшая, разделяющая что-то.

Сяо Цянь сидел в ванне, желая разорвать свой язык на части.

Его голова была полна мыслей о красных глазах и разочарованном взгляде императора. Он не мог вынести холодности и обиды маленького императора, его осторожных прикосновений. Но как он мог рассказать о своих связях с бывшими соратниками и этом плане?

Не мог сказать.

Он не хотел скрывать свое воскрешение, но также никогда не думал признавать, что он Сяо Цянь.

Даже если его вражда с Чжу Куном могла бы развеять сомнения императора, их позиции все же изменились.

Их пути разошлись, и они неизбежно разойдутся.

Но как Сяо Цянь мог смириться с этим?

Этот теплый огонек, который он держал в руках, защищал в своем сердце, качался в ветрах и дождях, едва ли не превращаясь в пламя, готовое разгореться. Как он мог позволить этому закончиться?

Если бы он сейчас рассказал о своих связях с армией Великой Цзинь, даже о близких отношениях, его будущее было бы под вопросом, но хуже всего было бы то, что Фан Минцзюэ мог пойти по неправильному пути.

А что касается... его чувств к императору.

Нужно было подождать.

Возможно, со временем они угаснут.

Вода вокруг него постепенно остывала, Сяо Цянь встал, вытер тело и длинные волосы, надел нижнее белье, не завязывая пояс, и пошел внутрь, по пути закрыв два окна.

Уже наступила зима, ночи стали холодными, возможно, через несколько дней придется зажигать угольные печи.

Погасив свечи, Сяо Цянь только что сел на кровать и собирался откинуть одеяло, как вдруг его рука была схвачена.

В темноте эта тонкая белая рука все еще казалась освещенной, ослепляя. Сяо Цянь затаил дыхание, поднял взгляд и встретился с парой ярких глаз, наполненных влагой.

Хозяин этих глаз смотрел на него, не произнося ни слова.

После некоторого молчания Сяо Цянь вытащил руку, встал с кровати и начал надевать обувь, в

то время как в его голове он ругал себя последними словами, одновременно мысленно избивая этого маленького неблагодарного. Теперь он даже не позволяет ему спать в кровати, избалованный!

Под бесстрастным лицом его внутренние мысли были невероятно насыщенными.

Фан Минцзюэ почувствовал, как его ладонь опустела, и пристально посмотрел на спину, сидящую на краю кровати и надевающую обувь.

Уходи, уходи. В конце концов, он уже давно стал бесчувственным существом.

Думая так, но, возможно, из-за того, что тело все еще было холодным, его руки невольно протянулись и обняли это тепло.

Сяо Цянь только что собирался встать, как вдруг его талию обхватили две белые руки.

Без сопротивления, генерал Сяо, чье сердце было твердым, как сталь, смягчился, протянул руки, чтобы раздвинуть руки, встал и обернулся, как раз увидев, как в этих внезапно широко открытых глазах промелькнула паника, словно у него отняли что-то дорогое.

Как будто веревка туго затянулась вокруг его сердца, Сяо Цянь затаил дыхание, скинул обувь и прыгнул на кровать, прижав императора к себе и начав его тискать.

— Ммм... императрица...

Фан Минцзюэ был измучен внезапной атакой большого волка.

Чувствуя, как его нижняя часть тела снова начинает реагировать, генерал Сяо, также известный как Лю Сяхой, с досадой крепко обнял талию императора, прижал его к себе, накрыл одеялом и злобно сказал:

— Спи!

Незнающий человек мог бы подумать, что ты собираешься его съесть, — пробормотал про себя Фан Минцзюэ, закрывая глаза и прижимаясь к теплой груди.

В это время, когда они спали вместе, мирно отдыхая на кровати, генерал Ян Цзинь, наконец, выбрался из территории Великой Цзинь и вернулся в Ляоси, но был настолько зол, что не смог заснуть всю ночь, а на следующее утро, с лицом, похожим на лицо человека, страдающего от похмелья, разразился гневом.

— Ты хорошо поработал!

Несколько писем шлепнулись по лицу мужчины, стоящего на коленях.

Мужчина с тонкими бровями, маленькими глазами и козлиной бородкой робко сказал:

— Шурин, меня тоже подставили...

Ян Цзинь, разочарованный, снова пнул его, а рядом Ван Цянь, умеющий подлизываться, налил чашку чая и с почтением подал ее Ян Цзиню.

— Генерал, не злитесь, Цинъюнь молод, по своей природе добр и простодушен, его легко могут обмануть и использовать.

Эти слова, казалось, оправдывали Жун Цинъюня, но также оставили у Ян Цзиня впечатление о его неустойчивом характере.

Ян Цзинь был умным человеком. Это было хорошо, но также означало, что он не мог избежать двух вещей. Во-первых, ум может обернуться против него, приводя к самоуверенности и высокомерию. Во-вторых, он был склонен к чрезмерному воображению. Другими словами, генерал Ян был настоящим мастером домыслов.

Мастер домыслов легко становился подозрительным.

Чай успокоил его гнев, но взгляд Ян Цзиня на Жун Цинъюня невольно стал содержать оттенок отвращения. Но все же это был младший брат его жены, четвертый сын герцога Жун.

Ян Цзинь опустил глаза и холодно сказал:

— Заключение под стражу на тридцать дней, дать сто ударов палками. Убирайся.

Жун Цинъюнь, глядя на его выражение лица, стал наглеть:

— Шурин, вы же знаете, что я слаб здоровьем, а в тюрьме так холодно...

— Я сказал, убирайся!

Чашка в руке Ян Цзиня разбилась вдребезги.

Жун Цинъюнь испуганно вскочил и выбежал, уведенный личной охраной Ян Цзиня.

Дверь широко распахнулась, холодный ветер ворвался внутрь, в Ляоси уже была глубокая зима.

Ван Цянь закрыл дверь и тихо сказал:

— Генерал, ваши старые раны еще не зажили, не стоит злиться.

Ян Цзинь сел на стул, устало вздохнул и с горькой улыбкой сказал:

— Цзюнь Юй, ты стал свидетелем нашего позора. Семейный позор, семейный позор.

После этого он снова стал серьезным и спросил:

— Что удалось выяснить?

Ван Цянь подошел ближе и сказал:

— Этот молодой командир — местный житель Ляоси, из бедной семьи, родители живы, с детства служил в армии, до и после инцидента ни с кем не общался.

Конечно, продавца жареной утки на въезде в деревню генерал Ван не принял во внимание.

— А другой? — спросил Ян Цзинь.

Ван Цянь покачал головой:

— В день инцидента он разозлил Цинъюня и был забит до смерти палками. Его родители умерли, родственников нет, невозможно выяснить его прошлое. Только слышал, что до службы

в армии он был мелким торговцем, часто ездил между столицей и Ляоси.

Кто же это, кто замышляет против меня?

Ян Цзинь был в замешательстве и сомнениях. Он интуитивно чувствовал, что Великий наставник Чан заметил некоторые его действия и собирается действовать первым. Но он также смутно чувствовал, что что-то не так. Однако, будь то амбициозный император, заточенный в глубинах дворца, или беспокойные князья, никто не обладал достаточной силой, чтобы сделать это.

Он пил чай маленькими глотками.

Это было его привычкой, когда он был в глубоких раздумьях.

<http://bllate.org/book/16207/1454742>